

Галина Василькова
Даугавпилсский университет, Латвия

РОМАН Б.ЖИТКОВА «ВИКТОР ВАВИЧ» В ОТЗЫВАХ РЕЦЕНЗЕНТОВ И В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ НАЧАЛА 1930-Х ГГ.

Abstract

B.Zhitkov's Novel "Victor Vavich" in Responses of the Reviewers and in the Literary Criticism of the Early 1930ties

B.Zhitkov's novel "Victor Vavich" became available to the broad audience of readers only in 1999, 60 years after death of the author. For a long time the novel has dropped out of history of the Russian literature and was not subject matter of attention of literary critics. Therefore "Victor Vavich" till now is surrounded by set of legends and half-words, and in his history a lot of unclear.

For example, till now chronological frameworks of creation of the novel are not certain. The certain confusion exists as well in dating editions of separate parts (books) of "Victor Vavicha" published during lifetime of the author.

In the article an attempt to specify separate instants of history of publications of the novel, as well as some aspects of its apprehension by the readers in the beginning of 1930th years is made. With this objective the archival materials which are till now not published anywhere are involved: Zhitkov's letters, responses on the novel of reviewers of publishing house " Federation ", documents of censorship.

Ключевые слова: *Вавич, «Федерация», Болотинская, Канатчиков, цензура, Леноблгорлит, Герзон.*

«Виктор Вавич» Б.С. Житкова - книга с непростой, в определенном смысле трагической судьбой. Роман, написанный в конце 1920-х – начале 1930-х годов, стал доступен широкому кругу читателей в полном объеме (в 3-х книгах) лишь спустя 60 лет после смерти автора, в 1999 году (он вышел в московском издательстве «Независимая газета», в серии «Четвертая проза»).

В течение длительного времени о «Викторе Вавиче» не упоминали, как будто его вообще не было ни в творчестве Бориса Житкова, ни в истории советской литературы. Лишь в середине 1950-х годов, в начале «оттепели», когда Вера Степановна Арнольд, сестра писателя, инициировала издание книги «Жизнь и творчество Бориса Житкова», в ней появились отдельные упоминания о романе, а также были опубликованы выдержки из дневников и писем, проливающие некоторый свет на историю его создания. Но ни в оттепельные, ни в последующие советские годы роман не переиздавался и не был предметом внимания литературоведов. Вероятно, поэтому «Виктор Вавич» до сих пор окружен множеством легенд, а в его истории полно «белых пятен». Например, до сих пор точно не определены хронологические рамки создания романа. На основании материалов личного архива Бориса Житкова, опубликованных воспоминаний его сестер и Л.К. Чуковской с достаточной уверенностью можно утверждать, что роман был начат осенью 1926 г. и в основном завершен к октябрю 1931 г. Но не исключено, что и позже Житков

вносил поправки в текст романа, поэтому вопрос о времени его завершения остается открытым.

Определенная путаница существует и в датировке прижизненных изданий отдельных частей (книг) «Виктора Вавича».

Так, Арлен Блюм в книге «Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917 – 1991» (Спб., 2003) сообщает: *«Первые две части романа, отрывки из которого печатались вначале в «Звезде», выходявшие отдельными изданиями в 1932 г. в издательствах «Прибой» и «Издательстве писателей в Ленинграде», сразу же вызвали цензурные претензии – еще на стадии предварительного контроля»* (Блюм 2003: 82).

Как показало изучение архивных документов и других достоверных источников, это сообщение содержит ряд неточностей. Первая книга романа была опубликована уже в начале 1929 г. (действительно, в издательстве «Прибой») и *«цензурных претензий»*, судя по всему, не вызвала, иначе ее не разрешили бы переиздать в 1933 г. в Издательстве писателей в Ленинграде без каких бы то ни было изменений¹. Отрывки из второй и третьей книг романа были напечатаны в июньском и июльском номерах «Звезды» в 1932 году. Но полное издание второй и третьей книг затянулось, действительно, из-за цензурных претензий. Вторая часть романа была издана лишь в 1934 г., а третья при жизни автора так и не была опубликована.

Попытка издать роман «Виктор Вавич» полностью была предпринята друзьями и близкими Б.С. Житкова уже после его смерти, но и она завершилась драматически. Лидия Корнеевна Чуковская, памяти которой посвящено издание «Виктора Вавича» 1999 г., в очерке «Процесс исключения» вспоминала: *« В 1941 г. „Советский писатель“ выпустил этот роман, но весь 10-тысячный тираж пошел под нож, спасли всего несколько экземпляров...»* (Чуковская 1990: 95). Причиной уничтожения уже отпечатанной книги, по ее словам, стала отрицательная рецензия главы Союза писателей СССР Александра Фадеева².

В настоящее время, в связи с переизданием «Виктора Вавича», возникла потребность ввести, наконец, роман не только в контекст творчества Житкова, но и в историю русской литературы конца 1920-х – начала 1930-х годов. Поэтому несомненный научный интерес представляет оценка романа в печатных изданиях того времени и в документах цензуры, которые стали доступными лишь недавно. В данной статье рассматриваются отзывы рецензентов и литературных критиков на роман «Виктор Вавич», относящиеся к первой половине 1930-х годов.

Изучение документов личного архива Б.С. Житкова, хранящегося в РГАЛИ (Москва), показало, что, завершив вторую часть романа «Виктор Вавич» к октябрю 1931 года, писатель в ноябре сдал ее на цензуру в Ленобллит.³ Он с нетерпением ждал решения цензуры, однако цензоры с ответом не спешили. В письме к родным от 8 декабря 1931 г. Житков сетовал: *«Вторую часть «Вавича» я писал почти 3 года и ее, наверно, не пропустит цензура. <...> Ответа мне нет, но по частным сведениям дело мое дрянь...»* (РГАЛИ. Ф. 2185. Оп.1. Ед. хр. 4. Лл. 134 - 134 об).

Обнаруженные в архиве РГАЛИ документы позволяют предположить, что Житков, по-видимому, не надеясь на положительное решение судьбы «Виктора Вавича» в Ленинграде, попытался издать книгу в Москве, в издательстве «Федерация»⁴.

В РГАЛИ мне удалось найти отзывы двух рецензентов на роман Житкова⁵, которые хранятся в папке с документами издательства «Федерация» за 1932 год. Судя по всему, это «внутренние» рецензии, которые писались на стадии предварительного контроля, вероятно, уполномоченными Главлита (Главного управления по делам литературы).⁶

Одна из рецензий на роман Б.Житкова (без даты) принадлежит Э.Болотинской. Цитирую, сохраняя стиль, орфографию и пунктуацию источника:

«Революция 1905 г. – тема в художественной литературе не новая, много раз повторяющаяся и потому особо ответственная, требующая от автора какого-то нового подхода, освещения новых сторон, до сих пор еще не освещенных. Основной замысел автора был показать в романе всю полицейскую систему, как прочную опору самодержавия, весь полицейский держимордский аппарат и его роль в подавлении революции 1905 г.

Здесь очень смачно показана вся иерархическая лестница полицейских чиновничества, подлая угодливость и подхалимство, кляузы, выслуживания, интриги; полицейские, приставы, городовые, околоточные, охранники во всем их жутком омерзении активных врагов революции целой галлереей проходят перед читателем – замысел, который мог бы стать интересным, но к сожалению, увлекшись этим показом, автор сделал не мало ошибок в расстановке основных социальных сил революции в своем романе (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 108. Лл. 109-109об.).

Понятно, что цензуру интересовала прежде всего идейная направленность произведения, соответствие его партийной точке зрения на революцию 1905 года. И с этой точки зрения Э.Болотинская обнаружила в романе Житкова многочисленные просчеты и ошибки:

«Основная и главная из них [ошибок – Г.В.], это та, что здесь почти выпала, главная, организующая в революции 1905 г. – роль РСДРП и большевиков, роль

организованного пролетариата в революции. На протяжении 2-х огромных книг, пытающихся, всесторонне показать революцию 1905 г., где широко даны картины рабочих волнений, забастовок, митингов, баррикад, мы видим только одну листовку РСДРП и одно большевистское выступление рабочего, разоблачающее роль конституции. Все остальные многочисленные персонажи активные участники революции – студенчество, рабочие – стихийная, безликая масса, сумбурно и хаотически нарисованная автором (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 112).

Оценке художественных достоинств и недостатков «Виктора Вавича» в рецензии Э.Болотинской посвящен лишь один абзац: *«Роман в общем довольно сумбурный, с сложной запутанной интригой, с множеством сюжетных линий, по композиции очень рыхлый и растянутый он значительно может быть сокращен. Попытка автора резко дифференцировать язык своих героев, иногда дает очень плохие результаты»* (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 110 об. -111).

В заключении отзыва рецензент вынесла категорический приговор: *«Считаю, что в настоящем виде, книга издана быть не может. Во многом здесь нужна переработка, сокращения, уточнения и т.д.»*. И все же, желая, вероятно, подстраховаться, Э.Болотинская предложила: *«Ввиду ответственности темы считаю, что полезной была бы вторая рецензия»* (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 112 об.).

Вторая рецензия на роман Житкова, датированная 15 июня 1932 года, написана С. Канатчиковым. Ее автор, в отличие от предыдущего рецензента, начинает с оценки «формальной стороны» романа (стиль, орфография и пунктуация оригинала сохранены): *«Книга написана культурно. Хорошим литературным языком. Занимательна по сюжету. Словом с формальной стороны она написана удовлетворительно. В ней все на своем месте»* (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 113).

Отдав таким образом дань художественным достоинствам «Виктора Вавича», рецензент приступает к пересказу содержания, сопровождая его сведенными до минимума собственными комментариями:

«Действие происходит в одном из губернских городов старой царской России, где имеются либо небольшие заводы либо ж. д. мастерские. Это похоже на Ростов На Дону. Действие совершается вокруг нескольких обывательских семей – мелкие чиновники, торговцы, полицейские и др. История Виктора Вавича, главного героя романа, очень похожа на историю молодого человека буржуазных романов. С той лишь разницей, что этот «молодой человек» мало культурен – выходец из глубоко мещанской обывательской семьи. Будучи «вольнопёром» Виктор Вавич под влиянием беседы с одним приставом избирает себе полицейскую карьеру и поступает в околоточны надзиратели. Женится на

дочери тюремного смотрителя. И вероятно достигнув на склоне дней чина полицейского пристава он благополучно-бы закончил свое земное бытие. Но тут надвинулся бурный 1905 год. И полицейская карьера Виктора Вавича терпит крушение. Автор пытается придать своему герою некие черты полицейского «благородства». Но это плохо ему удается. В романе не плохо показаны полицейские среди старого проклятого времени. Показаны также, но уже значительно хуже революционеры из этой же обывательской среды – учащаяся молодежь. Есть также достоящий провокатор, жандармский ротмистр и др. Не забыл автор также показать рабочих и даже баррикадные бои».

Однако, по мнению рецензента, изображение Житковым революции ущербно, поскольку изображено с позиций *обывательских*, а не партийных: *«Это просто обывательский поклев на революцию 1905 года»* (РГАЛИ. Ф.625. Оп.1. Ед.хр. 108.Лл.113 – 113 об.)

В рецензии отсутствует не только мало-мальски убедительная аргументация, но и логика: если в начале отзыва С.Канатчиков утверждал, что роман «занимателен по сюжету» и с «формальной стороны» в нем «все на своем месте», то в конце он сам себе противоречит, заявляя: *«Роман необычайно растянут. С одинаковой «объективностью», а вернее – безразличием описываются в нем и предметы достойные внимания и никому ненужные не интересные обывательские пустяки. Автор плохо умеет отделять важное от неважного»* (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 108. Лл.113 об. – 114).

В результате делается вывод: *«Печатать книгу было бы возможно, если бы автор ее сократил раз в десять и изъяс (?) бы оттуда обывательские пошлости.* (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 114 об.).

Таким образом, оба рецензента единодушно констатировали, что «Виктор Вавич» не может быть издан без существенных изменений.

Рецензии из архива «Федерации» представляют интерес не только как образец цензурных документов той эпохи, но и потому, что содержат сведения, позволяющие проследить изменение авторского замысла в отношении структуры «Виктора Вавича». В начале отзыва Э.Болотинской сообщается, что речь идет об издании двух книг романа: *«Очевидно, автор предлагает объединить I книгу романа «Виктор Вавич» (изд. Прибой 1929 г.) и прилагаемое продолжение – II книгу – и издать их одной книгой»* (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 109).

По-видимому, именно это и хотел сделать Житков: издать роман целиком. Кроме того, в рецензии С.Канатчикова указан объем рецензируемого материала – *«примерно 30 печатных листов»*. Именно эта цифра упоминается в письме Б. Житкова (15.08.1931),

применительно к роману в целом: «*Сколько я времени прогнал мимо себя в этих 30-ти листах*» (РГАЛИ. Ф. 2185. Оп. 1. Ед.хр.4. Л.117 об.).

Возможно, во второй книге «Виктора Вавича» Житков предполагал объединить вторую и третью части (по крайней мере, в его письмах о третьей книге нигде не упоминается). Учитывая, что третья часть по объему значительно меньше первых двух (в современном издании – около 80 страниц), вряд ли было целесообразно осуществлять ее издание отдельным томом. И, если бы отзывы рецензентов были положительными, именно в таком (полном) виде, но в 2-х книгах, «Виктор Вавич» увидел бы свет в конце 1932 г. в московском издательстве «Федерация». Однако этого не произошло.

В Ленинграде же решение судьбы «Виктора Вавича» цензурой затянулось надолго. Леноблгорлит, судя по всему, не решаясь взять на себя всю полноту ответственности за издание романа Житкова, обратился «за консультацией» в высшую цензурную инстанцию – Главлит. Об этом свидетельствует сводка работы Леноблгорлита за апрель 1933 г.⁷ В ней сообщается: «*Закончен просмотр романа Б.Житкова «Виктор Вавич». Роман посылался на консультацию в Главлит и просматривался одновременно т. Семеновым и т. Исаковым. Решено предложить коренным образом переделать III часть романа, носящую в нынешней редакции крайне авантюрный характер и окончательно снижающую и без того уже невысокий политический уровень книги. Предложение издательства о выпуске книги с предисловием, вскрывающим ошибки автора, признано нецелесообразным (во всяком случае, до предоставления новой редакции 3-й части)*» (ЦГАЛИ. Ф.281. Оп.1. Д.43. Л.172 об.).

Свидетельств того, что Б.С. Житков согласился предоставить на суд цензуры новую редакцию 3-й части романа, нет ни в личном архиве писателя в РГАЛИ, ни в опубликованной переписке, ни в «летописи» его творчества, составленной сестрами⁸. Вероятно, Борис Степанович категорически отверг возможность опубликовать полную версию романа ценой трансформации авторского замысла⁹ и предпочел представить «Виктора Вавича» читателю в «усеченном», как бы незавершенном виде. Косвенно это подтверждается тем фактом, что в конце 1933 г. Житков предпринял переиздание первой книги романа, а в 1934 г. издал – тоже отдельным томом - вторую¹⁰. Вероятно, писатель решил на такой шаг, поскольку уже ясно осознал невозможность издать свой роман в полном виде в той политической ситуации, которая сложилась в СССР к этому времени.

А.Ю.Арьев в послесловии к изданию «Виктора Вавича» 1999 г. пишет о закономерности того, что роман Житкова был признан чужеродным, выпадающим из соцреалистического дискурса революции 1905 года, и утверждает, что **к счастью** своего создателя «Виктор Вавич» «*как цельное явление при жизни автора публичному*

рассмотрению не подвергался...» (Арьев 1999: 619). Это утверждение верно лишь отчасти: роман Житкова не стал предметом публичной дискуссии, как, например, «Город Эн» Добычина, однако 3 рецензии на него были опубликованы в больших литературных журналах – «Звезда» и «Художественная литература» - при жизни Житкова.

Одна из этих рецензий, озаглавленная **«О «Викторе Вавиче» Бориса Житкова и по поводу»**, принадлежала перу писателя и литературного критика Всеволода Лебедева. Она появилась в журнале «Звезда» - в сдвоенном, февральско-мартовском номере за 1933 год, то есть спустя полгода после опубликования в нем глав из романа Б.Житкова¹¹. Несколько странным, на первый взгляд, выглядит то обстоятельство, что Вс. Лебедев пишет о романе в целом, а не только о первой книге, единственной к тому времени полностью опубликованной.

По-видимому, в данном случае мы имеем дело не с собственно рецензией, а с представлением, анонсированием еще не изданной книги, хотя статья и опубликована в рубрике «Трибуна писателя» с подзаголовком «Критика».

В целом отзыв Лебедева отличает доброжелательность, он содержит достаточно объективный анализ достоинств и недостатков романа. Первая часть статьи вводит «Виктора Вавича» в контекст творчества Б.Житкова: роман рассматривается как закономерное продолжение новеллистики писателя, его «детских» рассказов и повестей. При этом критик справедливо отмечает: *«Но в этих вещах Житков, являясь детским писателем, был писателем не только для детей. <...> эта простая форма письма, записи – не была вовсе формой учебника, <...> в вещах Житкова была очень тонкая, скрытая композиция, которая делала вещь как бы простой и нелитературной»* (Лебедев 1933: 173).

Очевидно, что Вс. Лебедев руководствуется в своей оценке «Виктора Вавича» прежде всего художественными критериями. Отзыв свидетельствует о знакомстве его автора с литературоведческими студиями представителей формальной школы¹², поскольку роман рассматривается не с позиции отражения в нем той или иной идеологии, а с точки зрения формы, используемых Б.Житковым художественных приемов. Известно, например, какое важное значение «формалисты» придавали приему остранения – умению преподнести знакомую вещь как новую¹³. И Вс. Лебедев пишет: *«Сколько раз читал о 1905 годе, о полиции и революционерах, но читаю у Житкова обо всем знакомом как о новом»* (Лебедев 1933: 176). Кроме того, критик использует терминологию «формалистов» (н-р, «вещь», «литературный факт» - применительно к произведению литературы) и даже стиль его рецензии отдаленно напоминает стиль Виктора Шкловского. Так,

например, говоря о пристрастии Житкова к конкретно-предметным описаниям, Лебедев замечает: *«Автор – плотник, водопроводчик, ювелир. Люди у него очень хорошо едят, очень выразительно сидят – но именно от этой яркости трудно читать»* (Лебедев 1933: 174).

Первую книгу «Виктора Вавича» Вс. Лебедев сравнивает с «семейным альбомом», в котором множество лиц, но нет развития событий. *«Читателю хочется главного шоссе, мимо которого разворачивались пространства, а тут – лбом о каждую вещь... Роман подавляет этой конкретностью, этой отделанностью каждой вещи, каждого человека, каждой сцены»* (Лебедев 1933: 174). Критически оценивает Лебедев и увлечение Житкова разговорной лексикой: *«Слова интеллигентского жаргона в данной комбинации дают для нас острый образ, а через десять лет будут казаться словами просто рядом поставленными»*. Впрочем, эти недостатки критик оправдывает «ученичеством» Житкова-романиста: *«В первой части автор многому учился. Некоторые страницы напоминают более палитру, чем холст ... Но во второй части читателю дышится легко. Тут уже не ощущается техника, какой написана вещь: читатель просто видит то, что происходило»* (Лебедев 1933: 176). Самым важным наблюдением Лебедева является указание на «музыкальность» житковской прозы, ее своеобразный ритм, благодаря которому *«Образы, фразы, слова на страницах Житкова держатся так незыблемо, как в стихе... Если выбросишь одно слово или прибавишь – все пошло по-иному < ... > и вся ценность потеряна»* (Лебедев 1933: 176 - 177).

Последняя фраза – косвенное свидетельство того, что В.Лебедев был осведомлен о проблемах, возникших у Бориса Житкова в связи с изданием романа¹⁴, и с рекомендациями цензуры «урезать», «сократить», «переделать» текст. Именно поэтому в своей статье он пытается доказать, что всякого рода «урезания» и поправки нарушат художественную целостность «Виктора Вавича». Вероятно, это совпадало и с позицией Житкова, не соглашавшегося, чтобы книга была издана такой ценой.

Ввиду сказанного можно предположить, что статья Вс. Лебедева - это своего рода «акция поддержки», предпринятая с целью способствовать изданию «Виктора Вавича» в полном объеме, без каких бы то ни было изменений. В пользу этого свидетельствует также высказывание автора статьи о том, что вторая часть романа Бориса Житкова *«...бесспорна, как очень большой литературный факт»* (Лебедев 1933: 174).

Еще две рецензии на роман «Виктор Вавич» принадлежат одному автору - С.Герзону. Первая из них, опубликованная в журнале «Художественная литература» (№ 6 за 1934 год), под рубрикой «Среди книг», является отзывом на второе издание первой книги «Виктора Вавича» в Издательстве писателей Ленинграда. Отметим, что на обложке

этого издания стоит 1933 год, а в типографских данных значится, что она «подписана к печати с матриц 17.X. 1933», то есть между изданием книги и публикацией рецензии на нее прошло около полугода.

Рецензия С. Герзона на первую книгу «Виктора Вавича» создает двойственное впечатление. В ней есть элементы объективного анализа, попытки найти положительное в романе. Автор справедливо констатирует, что *«Внимание автора привлекают не столько широкие социальные движения и массы, сколько жизнь и личные переживания отдельных людей и семей, принадлежащих к различным социальным слоям»* (Герзон 1934: 60). К числу удач Житкова рецензент относит образ заглавного персонажа, полицейского Виктора Вавича: *«Житков сумел дать этот образ нешаблонно, именно так, что читатель верит каждому движению Вавича, быстро воспринявшему «полицейскую мудрость»* (Герзон 1934: 60). Вместе с тем С.Герзон считает необходимым отметить просчеты автора. К недостаткам романа Герзон относит, например, *«избыточную мозаичность»* повествования. Он высказывает предположение, что *«отдельные краткие зарисовки должны, видимо, слиться в общую картину. Однако такая мозаичность <...> рассеивает внимание читателя* (Герзон 1934: 60)». Как недостаток отмечает критик использование автором просторечных и бранных слов, злоупотребление разговорной лексикой. С этим можно, отчасти, согласиться, но язык романа Житкова служит определенному авторскому замыслу, что совсем не учитывает С.Герзон. Кроме того, рецензент считает себя вправе вмешиваться в этот замысел: *«Некоторые главы представляются излишними, ничего не прибавляющими к характеристике образов и развитию сюжета»*, - пишет он, предлагая убрать из романа главу «Вальс», как *«совершенно ненужную и написанную в фальшивых тонах»* (Герзон 1934: 61). Такая категоричность продиктована той идеологической установкой, которая положена С.Герзоном в основу его рецензии: в романе о революции 1905 года не место всякого рода «лирическим отступлениям». В нем следует, считает критик, в первую очередь, изобразить передовых представителей сознательного пролетариата и руководящую, организующую роль партии. Ни того, ни другого он в романе Житкова не находит, отмечая: *«Революционеры и рабочие плохо удались автору: они безжизненны и нединамичны»* (Герзон 1934: 61). Заметим, что это мнение весьма субъективно, с ним вряд ли можно согласиться: таких персонажей Житкова, как, например, рабочий-изобретатель Карнаух или слесарь Филипп Васильев, гордый своим мастерством и мечтающий, чтобы оно получило общественное признание, никак нельзя назвать «безжизненными». Другое дело, что они не развиваются в том направлении, которое считалось обязательным в литературе соцреализма – от «бессознательности» к осознанию своей революционной

миссии. (Наоборот, слесарь Филипп Васильев, которому пробили голову черносотенцы, лишившись работы, деградирует, начинает пить).

И все-таки в завершении этой рецензии С.Герзон избегает однозначно негативной оценки романа и пишет: *«Книга Житкова представляет интерес хотя бы по одному тому, что дает правдивое изображение полицейского произвола и беспросветной тупости того режима, о котором многие из современных читателей знают только понаслышке. Тем досаднее, что в книге есть дефекты, которых Житков, человек в литературе не новый и популярный писатель для детей, мог бы избежать»* (Герзон 1934: 61).

Еще одна рецензия С. Герзона – уже на вторую книгу «Виктора Вавича» (Издательство писателей Ленинграда, 1934 г.) - увидела свет ровно год спустя после первой, в № 6 журнала «Художественная литература». И это очень существенно, так как между первой и второй рецензией Герзона произошло событие, коренным образом изменившее литературную ситуацию в СССР. В августе – начале сентября 1934 года прошел Первый всесоюзный съезд писателей, который покончил с демократическим разнообразием художественного творчества в «стране победившего социализма», объявив единственно возможным методом литературы метод социалистического реализма.

Статья Герзона 1935-го года, озаглавленная **«Революция в кривом зеркале»**, представляет собой уже образец последовательной литературной критики соцреалистического типа. Рецензента больше не интересуют художественные достоинства или недостатки романа, во главу угла он ставит идеологический критерий. Автор статьи обвиняет Житкова, во-первых, в том, что *«В самом по себе законном и нужном стремлении обнажить казарменную гнусность царского режима, писатель утрачивает чувство художественной перспективы <...> Вся многообразная жизнь, революционная борьба, внутренний мир тех или иных действующих лиц <...>, нарастание революционного взрыва 1905 г. и т.п. рассматриваются почти исключительно из окон участка, глазами ограниченных и озлобленных полицейских служаек»* (Герзон 1935: 26)¹⁵. Второе обвинение, предъявляемое критиком Житкову состоит в том, что революция в романе представлена как хаотичный, неуправляемый процесс, поскольку *«кто, как, какими средствами руководил массами, не видно; водителей и организаторов движения – революционных рабочих – нет в книге... Неверно и бегло отображена и революционная активность студентов...»* (Герзон 1935: 27)¹⁶. В-третьих, суровое нареkanie критика вызвало то, что неоправданно много внимания, по его мнению, в романе уделено еврейской теме, в том числе описанию кровавых еврейских погромов, спровоцированных полицией. В частности, С. Герзон пишет: *«Со щедростью, не оправдываемой*

художественным тактом, рассыпает Б.Житков дикие, не всегда цензурные выкрики полицейских по поводу евреев. <...> Это производит тем более странное <...> впечатление, что и вне стен участка, вне разговоров полицейских, евреи (порой по терминологии автора «еврейчики») изображены не без элементов презрительной жалостливости, наделяющей людей наряду с неизбежным (к тому же плохо переданным) акцентом традиционными суетливостью и робостью» (Герзон 1935: 26). Несправедливость этого обвинения очевидна: критик отождествляет отношение к евреям персонажей, изображенных в романе заведомо отрицательно, и позицию самого Житкова, в корне отличную¹⁷; «презрительная жалостливость» к евреям, приписываемая автору, тоже результат субъективного восприятия критика («еврейчиком» мысленно называет флейтиста Израильсона влюбленная в него Таинька Вавич).¹⁸

По мнению С. Герзона, «книга получилась кривым зеркалом революции 1905 года, односторонним и негативным изображением ее в плане объективно изображенного полицейского понимания». В конце рецензии делается безапелляционный вывод: «Книга не дает представления о подлинном характере описываемых ею событий, а те ее места, где «героически» хоронят полицейского или упражняются в виртуозной антиеврейской пропаганде, имеют весьма двусмысленное значение» (Герзон 1935: 26- 27).

Нельзя не заметить, что вторая статья Герзона с ее политизированным подходом к роману мало отличается от рецензий представителей цензуры – Э.Болотинской и С.Конопатчикова. А последняя фраза вообще делает ее похожей на зловеющий политический донос.

В целом рецензии С. Герзона являют собой пример той «казенной» критики, о которой Борис Житков писал в одном из писем (31.X.1928) к Е. Бахаревой: «Критика вся сплошь казенная и она меня ни огорчить не может, ни обрадовать» (РГАЛИ. Фонд 2185. Оп.1. Ед. хр. 4. Л. 70 об.). Но, к сожалению, именно такого рода критика определяла на протяжении более полувека судьбу русской советской литературы.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что полное издание романа «Виктор Вавич» при жизни автора не было осуществлено, прежде всего, из-за политической цензуры, ужесточившейся уже в начале 1930-х годов, но в особенности – после XVII партийного съезда и I Всесоюзного съезда писателей. Литературная критика также сыграла определенную роль в судьбе романа: если благожелательный отзыв Вс.Лебедева потенциально мог способствовать публикации романа Житкова в полном объеме, то отрицательная рецензия С.Герзона на вторую книгу «Виктора Вавича» фактически способствовала тому, что третья книга романа не была издана при жизни автора.

Библиография

1. Арьев А. (1999) Долгая зима в городе Н. *Борис Житков. Виктор Вавич*. Москва: Независимая газета. С. 615-622.
2. Блюм А. (1996) Еврейский вопрос под советской цензурой: 1917-1991. СПб.: Петербургский еврейский университет. См. также в сети: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/?id=537>.
3. Блюм А. В. (2000) *Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953*. Санкт-Петербург: Академический проект.
4. Блюм А. (2003) *Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917 – 1991: Индекс советской цензуры с комментариями*. С.- Петербург: СПбГУКИ.
5. Герзон С. (1934) Среди книг. Житков Б. Виктор Вавич. Кн. 1. *Художественная литература*. № 6: 60-61.
6. Герзон С. (1935) Революция в кривом зеркале. *Художественная литература*. № 6: 26 -27.
7. *Жизнь и творчество Б.С. Житкова* (1955). Ленинград: Детгиз.
8. Жирков Г. В. (2001) Партийный контроль над цензурой и её аппаратом. *История цензуры в России XIX—XX вв. Учебное пособие*. Москва: Аспект пресс.
9. Житков Б.С. (1999) *Виктор Вавич. Роман*. Москва: Независимая газета.
10. Лебедев Вс. (1933) О «Викторе Вавиче» Бориса Житкова и по поводу. *Звезда*. № 2-3: 172-177.
11. Фадеев А. (1971). Б.Житков. Виктор Вавич. *Собрание сочинений в 7 томах*, т. 6. Москва: Художественная литература. С.331.
12. Шкловский В. (1970). *Тетива. О несходстве сходного*. Москва: Советский писатель.
13. Чуковская. Л.К. (1990) *Процесс исключения*. Москва: Горизонт.

Источники

1. РГАЛИ. Личный архив Б.С. Житкова. Фонд 2185. Оп.1. Ед.хр. 4. Письма Житкова к жене Е. Бахаревой и приемному сыну В.Бахареву (1924 - 193?).
2. РГАЛИ. Фонд 625. Издательство «Федерация». Оп. 1. Ед. хр. 108. Лл. 109-114.
3. ЦГАЛИ. Фонд 281. Ленинградский областной и городской отдел по делам литературы и издательств «Леноблгорлит». Оп. 1. Д. 43. Лл. 172-172 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В типографских сведениях на обороте титульного листа «Виктора Вавича» 1933 г. издания, хранящегося в Российской национальной библиотеке, значится, что книга «подписана к печати с матриц 17.X. 1933». Сопоставление текстов первого и второго издания показало, что они практически идентичны.

² Отзыв опубликован в семитомном Собрании сочинений А.Фадеева: "Эта книга, написанная очень талантливым человеком, изобилующая рядом прекрасных психологических наблюдений и картин предреволюционного быта, страдает двумя крупнейшими недостатками, которые мешают ей увидеть свет, особенно в наши дни: 1. Ее основной персонаж, Виктор Вавич, жизнеописание которого сильно окрашивает всю книгу, - глупый карьерист и жалкая и страшная душонка, а это, в соединении с описанием полицейских управлений, охранки, предательства, делает всю книгу очень не импонирующей переживаемым нами событиям. Такая книга просто не полезна в наши дни.

2. У автора нет ясной позиции в отношении к партиям дореволюционного подполья. Социал-демократии он не понимает, эсерствующим и анархистствующим идеализирует" (Фадеев 1971: 6, 331).

³ В письме к жене, Е.Бахаревой, от 7 ноября 1931 г. Житков писал: «В.Вавич» у цензора, взял на праздники почитать. Посмотрим, что скажет. Авось прочтет за это время (РГАЛИ. Ф. 2185. Оп.1. Ед.хр. 4. Л. 128).

⁴ Литературно-художественное изд-во Федерации объединений советских писателей (ФОСП); организовано в 1929 г. в Москве.

⁵ Благодарю за помощь в разыскании этих документов заведующего читальным залом РГАЛИ Д.В. Неустроева.

⁶ 5 октября 1930 г. было принято Постановление Совнаркома «О реорганизации Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита)». В частности, в нем говорилось: «Основным звеном в области предварительного контроля за литературой, радиовещанием и т.п. признать институт уполномоченных. Весь предварительный просмотр всего печатного материала производить в самих издательствах, обязав последние обеспечить содержание необходимого штата уполномоченных Главлита». (См. об этом подробнее в: Блюм 2000: 312 и др.; Жирков 2001: 358 и др.). Согласно "совершенно секретному" циркуляру Главлита (1933 г.), политредакторы издательств обязаны были доставлять "не реже одного раза в 10-дневку сообщения о материалах, просмотренных предварительным контролем" (ЦГАЛИ СПб. Ф.281. Оп.1.Д.43. Л.199).

⁷ А. Блюм в книге «Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917-1991», сообщает, что «в "Сводке работы Ленобллита" за апрель 1931 г. зафиксировано: "Закончен просмотр романа Б.Житкова "Виктор Вавич" (Цит. по: Блюм 2003: 82). Как показало знакомство с архивами Ленобллита (точнее, Леноблгорлита), датировка А.Блюмом этого документа 1931 годом ошибочна, тем более, что в апреле 1931 г. роман еще не был завершен. Благодарю за помощь в уточнении данных директора ЦГАЛИ Л.С. Георгиевскую.

⁸ Отдельные письма Б.С.Житкова к родным и друзьям и «летопись» его жизни и творчества были опубликованы в кн. «Жизнь и творчество Б.С. Житкова» (Ленинград: Детгиз, 1955).

⁹ О бескомпромиссной позиции Б.Житкова свидетельствуют его письма к Е.Бахаревой: «...писать же не по своему – это значит халтурить и угодничать на заказ. <... > В 32 году из 50-ти моих книг переиздается только три. Т.е. ясно, что меня печатать не хотят. <...> Потому что литература должна быть на службе у момента, у политического момента. Такую только и будут пропускать. А не «Вавичей» (РГАЛИ. Ф. 2185. Оп.1. Ед. хр. 4. Л.134 об).

¹⁰ Обе части вышли в Издательстве писателей в Ленинграде. Кроме того, решение об издании отдельных книг диктовалось и материальными соображениями. В письме к жене 26.XI.31 Б.Житков писал: «Пошел бы «Вавич», тогда сразу стало бы легче» (РГАЛИ. Фонд 2185. Оп.1. Ед. хр. 4. Л.132 об.).

¹¹ Главы из второй и третьей книг «Виктора Вавича» были опубликованы в №№ 6 и 7 «Звезды» в 1932 г.

¹² Формализм в литературоведении к началу 1930-х годов в СССР уже был подвергнут остракизму, тем более достойной уважения представляется позиция Вс. Лебедева.

¹³ В. Шкловский так характеризовал этот прием: «Остранение – это удивление миру, его обостренное восприятие» (Шкловский 1970: 230). При остранении вещь не называется своим именем, а описывается как в первый раз виденная.

¹⁴ Оба писателя, судя по всему, были хорошо знакомы: в составленной сестрами Житкова «летописи» его жизни и творчества приводится выдержка из письма Бориса Степановича от 27 мая 1934 г.: «Я написал, по просьбе Лебедева, в «30 дней» два рассказа» (Жизнь и творчество... 1955: 462).

¹⁵ Заметим, что обвинение это не только несправедливо (Житков принципиально изображает революционные события с разных точек зрения), но даже отчасти абсурдно: как может *«внутренний мир»* рассматриваться чьими-то глазами (пусть даже метафорически) *«из окон участка»*?

¹⁶ Критик обвиняет здесь в «неверности» изображения писателя, который сам был очевидцем и участником революционных событий 1905 года, в том числе – студенческих волнений. Любопытно было бы узнать, откуда почерпнул свои «верные» сведения автор рецензии. Скорее всего, из «Краткого курса истории ВКП(б)».

¹⁷ Об отношении Бориса Житкова к евреям красноречиво свидетельствует его биография: он был в дружеских отношениях с В.Жаботинским и в 1905 году принимал участие в еврейских отрядах самообороны, созданных в Одессе.

¹⁸ Причина столь предвзятого отношения С.Герзона к изображению еврейской темы в «Викторе Вавиче» кроется, вероятно, в том, что в СССР после 1934 г. *«...любые упоминания в печати о еврейских погромах, хотя бы и относящихся к «проклятому прошлому», неизменно подвергались изъятию и запрету»* (Блюм 1996).